

Обитатели дома № 13

Назойливый свет утреннего солнца медленно, но уверенно расползлся ярко-желтыми пятнами по стенам и крышам домов тихой улицы в самом сердце Симферополя. Каменные львиные морды на балконах дома № 13, казалось, недовольно морщились от нежелательного для их царского величия вторжения солнечных лучей.

Среди других домов, стоящих на этой улице, дом № 13 заметно выделялся: мрачноватый, старинный и, как казалось со стороны, давно заброшенный. Он словно хранил какую-то тайну и в ночных сумерках мог нагнать суеверного страха на случайного прохожего.

Однако теперь, оживленный теплыми красками жаркого августовского солнца, дом казался куда менее мрачным, чем обычно. Но даже яркий солнечный свет не придавал ему жилого вида. В сравнении с другими домами, где на подоконниках стояли цветочные горшки, а возле дверей лежали коврики, дом № 13 был словно окутан серой паутиной запустения.

В этот утренний час вдоль улицы, как раз мимо этого самого дома, шла пожилая супружеская пара. Низкорослая старушка, семяющая рядом со своим дородным лысым мужем,

придирчивым взглядом окинула на ходу дом и проворчала:

— Посмотри, дорогой, какое чудовище. Этот дом надлежит снести!

Последнее замечание прозвучало скорее как распоряжение.

— Ты согласен? — требовательно возвала она к своему спутнику.

— Безусловно, безусловно, — отозвался ее лысый муж, даже не глянув в сторону дома; мучимый отдышкой, он тяжело шагал по залитому солнцем асфальту и безучастно глядел прямо перед собой.

— Дом снести, — безапелляционно повторила дама, — а на его месте построить аптеку. А то к ближайшей аптеке нужно идти аж на соседнюю улицу. Я верно говорю?

— Несомненно, несомненно, — прозвучало в ответ.

В этот самый момент пожилая пара потеснилась на узкой асфальтовой дорожке, чтобы пропустить другую пару, которая шла им навстречу: интеллигентного вида худощавого старика в очках, держащего в руке трость, и черную кошку, не отстающую от него ни на шаг.

Пройдя буквально пару метров, лысый за чем-то обернулся назад. Вероятно, для того чтобы проводить взглядом такую на редкость дисциплинированную кошку. Но, обернувшись, лысый, к своему удивлению, обнаружил, что старика в очках на дорожке уже нет, а черная кошка сидит возле странного дома и, повернув голову, провожает его с супругой пристальным взглядом своих желтых глаз.

Лысый растерянно огляделся вокруг в поисках исчезнувшего старика, но, нигде его не обнаружив, перевел взгляд обратно. Все, что он успел заметить, — как черная кошка стремительным прыжком нырнула прямо под лестницу дома № 13.

* * *

В этот самый момент на втором этаже дома, в одной из комнат, на подоконнике, подтянув колени к груди и обняв их обеими руками, сидела четырнадцатилетняя девочка. У нее были сильно выющиеся непослушные рыжие волосы и серые глаза. Эти глаза задумчиво следили, как мимо дома прошла пожилая пара. Девочка заметила, как лысый старик, таращась по сторонам, искал взглядом исчезнувшего неизвестно куда человека с тростью. Она-то прекрасно знала, что человек с тростью — а это был Прозор — никуда не исчезал, а всего лишь поднялся на ступени у дверей дома и сразу стал невидимым для посторонних глаз.

Однако эта уморительная картина не вызвала на лице девочки даже легкой улыбки. Ее не позабавило ни исчезновение Прозора, ни удивленная физиономия лысого старика, ни эффектный прыжок черной кошки под лестницу. Одним словом, Мила Рудик совсем не была настроена веселиться. Она была серьезна как никогда, и у нее была для этого очень важная причина.

То, что надумала Мила, со стороны могло показаться идеей совершенно безумной. Но она была настроена так, что любая попытка

отговорить ее была заранее обречена на провал. А такие попытки Мила предвидела. Прекрасно зная Белку, она была уверена, что как только она поделится с ней своими планами, та тут же примется отговаривать. А поделиться придется...

Об этом своем замысле Мила размышляла на протяжении последних двух с лишним месяцев, с того самого дня, как вместе с Акулиной вернулась в Симферополь. Осуществить задуманное она все никак не решалась, но теперь время поджимало — до конца каникул оставалось ровно два дня.

С одной стороны, ее это радовало. Очень хотелось поскорее поехать в Троллинбург — город, где живут волшебники и всякие волшебные существа: увидеть памятник Славянину и каменного тролля, сходить в гости к Барбарису, которого она не видела все лето (по словам Акулины, у него был длительный отпуск), подняться над городом в Летающей беседке, встретиться с друзьями и, главное, снова оказаться в Думгроте и в Львином зеве.

Но с другой стороны, это означало, что времени осталось мало и действовать нужно не мешкая. Конечно, Мила бы предпочла обратиться за помощью к Ромке — на него всегда можно было положиться, и он уж наверняка не стал бы ее отговаривать. Но у нее элементарно не было с ним никакой связи. Зато связь была с Белкой.

О всемирной сети магических сообщений Мила слышала еще от Берти — старшего брата Белки. Правда, тогда она не поняла, как эта штука работает. Оказалось — проще простого.

Все, что было необходимо, это иметь в доме почтовый ящик, но не простой, а именно для магических сообщений. Пишешь в письме имя адресата, бросаешь в такой ящик и ждешь себе, когда придет ответ. В доме Акулины такой ящик был, в доме семьи Векшей — тоже, а у родителей Ромки, которые никакого отношения к магии, кроме наличия сына-колдуна, не имели, такого ящика не было.

С подругой Мила переписывалась все лето. Чаще всего Белка в своих письмах жаловалась на Берти, который на каникулах развлекался тем, что пакостил госпоже Клячиной, их соседке со склочным характером, распускавшей в районе дикие слухи об их семье. Кроме мышей, крыс и тараканов, которых Берти целыми стадами запускал в дом соседки, случались у нее и другие неприятности. Например, дважды протекала крыша, причем в те дни, когда дождем и не пахло. Местные дворняжки со всего района почему-то целый месяц пребывали в абсолютной уверенности, что их туалет находится как раз посередине садовой дорожки госпожи Клячиной. А однажды во время поливки огорода у соседки в течение десяти минут двадцать раз сам собой перекрывался кран. И Белка утверждала, что за те двадцать пробежек, что совершила госпожа Клячина к крану, а потом обратно к поливочному шлангу, она похудела как минимум на два килограмма, что при ее угрожающем весе, как замечала Белка, было отнюдь не лишним.

Мила тоже писала Белке, но ее письма почему-то получались не такими длинными

и содержательными. Возможно, потому что Мила не умела писать письма — прежде она ни с кем не переписывалась. А возможно, дело было в другом. В принципе она много чего интересного могла рассказать Белке. Жить бок о бок с такими магами, как Прозор и Акулина, было жутко увлекательно. У них постоянно что-нибудь происходило, и, когда они возвращались с заданий, то обязательно делились с Милой своими приключениями. Правда, они называли это работой. Но писать Белке о том, что рассказывали ей Прозор и Акулина, Мила не решалась. Она не знала, насколько это секретно, а спрашивать разрешение ей казалось глупо.

Однако в этот раз письмо Милы получилось не просто коротким, а самым коротким из всех, что были отправлены.

Мила спрыгнула с подоконника, подошла к столу, взяла свернутый трубочкой пергамент, развернула двумя руками и в последний раз перечитала написанное:

Белка, мне нужна твоя помощь. Я, конечно, знаю, как ты не любишь всякие сомнительные затеи, и не стала бы тебя беспокоить, если бы была возможность связаться с Ромкой и попросить помощи у него. Но ты, я думаю, в курсе, что связи с ним нет никакой. Свой почтовый адрес он не оставил (из-за своей мамы, я думаю), а волшебного почтового ящика у них в доме нет и неизвестно, когда появится.

Если коротко, то до окончания каникул я намерена навестить свою бабушку. Как ты, наверное,

догадываешься — мне не хотелось бы идти туда одной, потому что кто знает, чем это может закончиться. Но побывать мне там просто необходимо (в письме не могу объяснить подробнее).

Если ты согласна пойти со мной, то я буду ждать тебя завтра, в девять часов утра, возле пруда в Гагаринском парке.

Если ты откажешься, я, конечно, не буду на тебя в обиде, не думай, и отправлюсь сама. Пожалуйста, ответь как можно скорее.

Мила

Р. С. Только никому не рассказывай о моей просьбе.

Удовлетворенно кивнув, Мила решительно свернула пергамент, завязала его ленточкой желтого цвета и, спрятав за спину, открыла дверь своей спальни. Она прислушалась: приглушенные голоса доносились откуда-то снизу. Вероятно, вернувшиеся с ночного задания Прозор и Акулина проголодались и отправились на кухню, которая одновременно была и столовой.

Почтовый ящик находился в самом низу лестницы, спускающейся со второго этажа. Он висел на стене, возле треногой вешалки и подставки для зонтов. Мила не хотела привлекать к себе внимание не потому, что ей запрещалось отправлять письма или кто-то читал их перед отсылкой. Ничего подобного. Ни Акулина, ни тем более Прозор никогда не читали ее писем. Но слишком уж крамольным было содержание этого пергамента. На всякий случай,

подальше от беды, лучше, чтобы никто его даже в глаза не видел.

Мила закрыла дверь, миновала на цыпочках лестничную площадку и осторожно стала спускаться по лестнице. Наконец она сошла с последней ступеньки и подошла к почтовому ящику: большому, синему, с откидной крышкой. Мила аккуратно подняла двумя пальцами крышку и забросила сверток в узкое отверстие. Потом, довольная собой, опустила крышку.

— Ждешь письмо? — раздался вдруг голос позади нее.

Мила от неожиданности даже подпрыгнула и быстро обернулась. Перед ней стоял Прозор с накинутым на плечо махровым полотенцем, об край которого он вытирал мокрые руки. Очевидно, он вышел из ванной комнаты, которая находилась как раз напротив лестницы, а Мила не услышала, как открылась дверь.

— Ага, — поспешно кивнула она.

Мила отчаянно надеялась, что Прозору не придет в голову снимать очки, потому что без очков он видел человека насквозь и мог читать мысли. А ей и так последнее время приходилось прятать от него глаза, чтобы он случайно не разгадал ее замыслы. Прозорыч, наверное, думал, что у нее время от времени случаются приступы косоглазия.

— Нет причин волноваться, — успокаивающим тоном уверил Прозор и вдруг, к ужасу одревеневшей Милы, двумя пальцами снял очки, чтобы протереть полотенцем запотевшие стекла. — Почтальон еще ни разу не приходил без звонка.

Мила согласно закивала, опуская глаза, словно ее больше всего на свете в эту минуту интересовало, хорошо ли завязаны шнурки на ее кроссовках. Прозор вернул очки обратно на переносицу, и Мила облегченно выдохнула. По крайней мере, он, кажется, не заметил, как она бросала письмо в ящик.

— Мы уже перекусили, — сказал Прозор и кивнул куда-то в сторону, туда, где был ход в подвал. — Пойдем, поможешь нам с Акулиной. Нужно кое-что сделать.

Мила немного удивилась, но больше все-таки обрадовалась, что можно наконец-то отойти от почтового ящика: рядом с ним она чувствовала себя как преступник, которого застучали на месте преступления.

Прозор повесил полотенце на крюк двери в ванную и направился мимо лестницы к маленькой дверце, через которую нужно было проходить, предварительно согнувшись в три погибели. В подвале Мила еще ни разу не была, и ее охватило ошутимое волнение. Прозор снял со стены канделябр и быстро взмахнул над ним рукой. Фитильки свечей в канделябре загорелись крохотными огоньками. Когда Прозор открывал маленькую дверцу, у Милы было такое ощущение, что она входит в святая святых этого дома.

Ссутулившись и вжав голову в плечи, Мила перешагнула через порожек вслед за Прозором и оказалась на круто уходящей вниз деревянной лестнице. Перила были только с одной стороны, и Мила поспешно ухватилась за них рукой, боясь сделать неверный шаг и скатиться по ступеням.

Спуск занял достаточно много времени — казалось, что подвал уходит очень глубоко под землю. Наконец лестница закончилась, и они ступили на ровный деревянный пол. Мила шагнула вперед, и под ее ногами музыкально скрипнула половица.

Следом за этим звуком где-то в глубине подвала послышался шелест и тут же — короткие хлопки.

Хлоп! Хлоп! Хлоп! Хлоп!

— Акулина! — позвал Прозор, поднимая повыше канделябр. — Что за привычка бродить в потемках? Ах да! Кошки же умеют видеть в темноте. Все время забываю...

Прозор вскинул вверх свободную руку, одновременно разжав пальцы, как будто что-то бросал в потолок. В тот же миг подвал осветился ярким светом, и Мила увидела несколько рядов со стеллажами. Вверху и внизу к ним были прикреплены канделябры, и все свечи в них теперь горели яркими огоньками. Мила закинула голову вверх: потолок в подвале и правда был высокий — она не ошиблась.

— Акулина! — во второй раз позвал Прозор. — Ты куда запропастилась?!

— Я здесь! — послышался приглушенный голос, словно из-за стены.

— Пошли, — скомандовал Прозор, и Мила последовала за ним.

Они проходили мимо стеллажей, сплошь заполненных ящичками. На каждом ящичке были прикреплены бирки. Кое-где Мила по пути успевала прочесть надписи. В основном это были инициалы и фамилии: «М. Воронцов»,

«Ф. Квит», «А. Лютый», «П. Ледович», «И. Белодед», «О. Варивода».

Несколько знакомых фамилий вызвали у Милы такой острый интерес, что она, не раздумывая, спросила:

— А что в этих ящичках?

Прозор, даже не глянув на стеллажи, ответил:

— Перепись поколений — вот что в этих ящичках.

— Как это?

— Очень просто. На бирке — имя основателя магического рода. В каждом ящике весь род — от основателя до сегодняшних его потомков. Это, Мила, картотека, в которой собраны все маги и их наследники, которые когда-либо жили на свете. Этот вот ряд, по которому мы с тобой идем, — это те, что жили на нашей земле. Иностранцы колдуны в других рядах.

У Милы даже в горле пересохло от волнения. Больше всего на свете она хотела узнать побольше о своих предках о том, от кого она унаследовала свое Северное око — способность видеть небольшие фрагменты будущего, связанного с ней самой. Наконец, ей безумно хотелось знать, на кого же она похожа. Неужели для того, чтобы найти ответы на свои вопросы, ей не нужно ничего придумывать и искать неизвестно где? Неужели все это есть здесь?

— А в этих ящиках есть и мои предки? — с надеждой спросила Мила.

— Ты имеешь в виду прабабушку твою, Асидору? — уточнил Прозор. Он на ходу обернулся и глянул на Милу поверх очков. — Есть она

тут, конечно. И не только она. В каком-нибудь из этих ящичков вся твоя чародейская родословная.

Мила почувствовала, что даже желудок затянуло в узел от желания найти этот заветный ящик.

— И где он? — с жадным нетерпением спросила она.

Прозор снова оглянулся, но лишь грустно вздохнул и пошел дальше.

— Мне жаль, Мила, — сказал он, и в его голосе действительно прозвучало сожаление, — но я вынужден тебя разочаровать. Видишь ли, здесь, в этой картотеке, только имена, как я уже сказал — перечень тех, кто и от кого унаследовал свою магическую силу. Здесь не упоминаются особые таланты — как Северное око, например. А имена твоих предков не скажут тебе, на кого из них ты похожа.

Мила поняла, что Прозор прочел ее мысли, и поспешно опустила глаза, чтоб он больше ничего в них не увидел.

— Надеюсь, ты понимаешь, что раз ты маг третьего поколения, то те, от кого ты получила свою магическую силу, жили очень давно. Последняя из них — твоя прабабушка Асидора — умерла за много лет до того, как родилась ты. Имена ее прабабушки и тех, которые жили еще раньше, тебе ничего не дадут. То, что ты так хочешь знать, хранится в Троллинбурге, под охраной Триумвирата. Здесь, во Внешнем мире, такие знания оставлять слишком опасно. Поэтому у нас есть только имена — это картотека, которая полезна нам в работе.

Мила разочарованно выдохнула. Она вспомнила, как категорично в прошлом году отказала ей в посещении Архива Альбина — декан Львиного зева. Оттуда ей не стоит ждать ответов. Значит, все-таки придется осуществить свой план. С Белкиной помощью или без, но она это сделает.

— А о моих родителях здесь нет ничего? — без особой надежды спросила Мила.

— Нет, — категорично ответил Прозор. — Здесь — только маги.

В этот момент ряд закончился и Прозор свернул направо, туда, откуда прозвучал голос Акулины. Мила невольно отстала от него, когда заметила стоящий особняком стеллаж. Он тоже был заполнен ящичками. Свет от верхних канделябров слабо освещал единственную на этом стеллаже бирку, которая была прикреплена к одному из нижних ящичков. Золотом на ней было написано: «Колодезь Славянин». Мила посмотрела по сторонам в поисках стеллажей, где были бы бирки «Тавр» и «Древиш Румынский», но таковых не обнаружила. Она догнала Прозора.

— А стеллажи Древиша и Тавра где-то в другом месте, да? — спросила она.

— Нет, — ответил Прозор, по-прежнему не обращившись, и добавил: — Нет таких стеллажей. Ни у Тавра, ни у Древиша. Из Трех Чародеев только у Славянина были наследники по крови.

Мила только открыла рот для следующего вопроса, как вдруг рядом что-то с грохотом упало на пол, и в ноги ей посыпались десятки пожелтевших от времени маленьких пергаментных

сувоев — она еле успела остановить в воздухе ногу, которая уже почти коснулась пола. Мила отвела ногу и ступила на шаг назад.

Из-за ближайшего к ним стеллажа выглянула улыбающаяся Акулина.

— Я никого не повредила? — вежливо спросила она.

В руках Акулина держала ящики. Они были нагромождены друг на друга стопой и доставали ей чуть ли не до самого подбородка. Это «чуть ли», наверное, образовалось после падения одного ящика.

Прозор прищелкнул недовольно языком и покачал головой.

— Давай помогу.

Он забрал у нее половину стопы из ящиков и опустил их на пол поблизости. Вторую половину Акулина поставила возле стоящего здесь же стула.

— Зачем тебе понадобилось все это снимать? — строго спросил Прозор, глянув на Акулину из-под бровей.

— Головоотяпа искала, — ответила Акулина, и Мила удивленно на нее уставилась.

— А кто это? — спросила она.

Подняв с пола несколько свитков и чудом уцелевший и не разлетевшийся в щепки ящик, Прозор выпрямился и вместо Акулины ответил:

— Это волшебник один. Местный. Надо бы посмотреть его родословную для порядка. Буйный колдун! В прямом смысле опасный для цивилизованного сообщества магов.

Мила продолжала с непониманием смотреть то на Прозора, то на Акулину.

Акулина, заметив ее растерянность, улыбнулась.

— Давайте так, — сказала она. — Вы соберите свитки обратно в ящик, а я верну эту гору, — она указала на две стопы ящиков, — обратно на стеллажи, а заодно и расскажу.

Прозор сел на стул, взял в руки пустой ящик и принялся аккуратно укладывать свитки, сверяясь с номерками на коричневых сургучных печатях. Акулина взяла несколько ящиков и поднялась на стремянку, а Мила опустила на корточки и начала собирать рассыпанные сувои.

— Одним словом, — начала вещать сверху Акулина, — сегодня ночью один доморощенный экспериментатор пытался прямо у себя в кухне создать межпространственный ход. Со всем совесть потеряли! — вдруг возмутилась она. — Некоторые господа чародеи настолько обленились, что боятся потрястись в ступе каких-нибудь полчаса до посольства, чтобы легально переправиться через границу в Троллинбург.

Мила перевела взгляд с нагромождения рассыпанных по полу свитков на Акулину.

— А межпространственный ход...

— Это проход между мирами, — предупредив вопрос, ответила Акулина.

— Но вся абсурдность ситуации в том, — хмуро продолжил вместо нее Прозор, — что создать такой проход даже теоретически не представляется возможным. Образование таких ходов до сих пор до конца не изучено. Наиболее ученые волшебники ломают головы над этим вопросом. А такие, как этот ночной нарушитель, только создают проблемы на наши головы.

— А что случилось? — спросила Мила, передавая Прозору целую грудку свитков.

— Да ничего не случилось. Слава богу, обошлось, — снова нахмурился Прозор, принимая свитки из рук Милы, — благодаря тому, что мы вовремя вмешались.

— Если не вдаваться в детали, то история вышла такая, — сказала Акулина, спускаясь со стремянки за оставшимися ящиками. — Федор Головотяп живет в поселке Перевальном, что в десяти минутах лёта при хорошей погоде от Транспространственного посольства. Пытаясь создать проход между мирами, он устроил настоящее светопреставление. Сосед его, который, естественно, ни сном ни духом не ведаёт о том, что рядом с ним проживает преемственный колдун третьего поколения, просыпается ночью от фейерверков, взрывов и чрезвычайно реалистичного северного сияния прямо над крышей собственного дома. А выглянув в окно, видит нашего Федора, бегающего вокруг дома и пытающегося потушить загоревшийся от фейерверка сарай. И дело закончилось бы легким испугом несчастного соседа, если бы этот... с позволения сказать, Головотяп не принялся тушить пожар заклинаниями, заменяя собой пожарный шланг и брызгая водой направо и налево.

Мила собрала все сувои до последнего, отдала их Прозору и поднялась с корточек.

— В итоге вышла очень неприятная история с этим соседом, — продолжил Прозор. — Он оказался репортером местной газеты и очень сообразительным типом. Когда я к нему наведалься,

он быстро просек, с кем имеет дело, и попытался ввести меня в заблуждение. Я к нему в мысли проник, а там как отбойный молоток: «Ничего не видел. Ничего не слышал. Знать не знаю». Проще говоря, пытался мысленно сорвать. Я чувствую, что-то здесь не то. Проник поглубже, а там: «Вот это статья! Сенсация! Бомба!» В общем, память я все-таки ему изменил, хотя и повозиться пришлось изрядно.

Прозор Прозорыч оторвался от сортировки свитков, глянул на Милу поверх очков и внушительно заявил:

— Запомни, с любым даром нужно быть бдительным. Телепат ты или ясновидящий — неважно. Доверять ничему нельзя. Лучше лишний раз проверить, а потом спать спокойно.

Прозор поправил очки, встал со стула, вручил Акулине ящик с проделанной работой и, прикрыв рот кулаком, зевнул:

— Нужно будет написать рапорт Владыке на этого... Головотяпа. Пусть Триумvirат к нему санкции применит — будет ему наука. — Он поднял глаза на Акулину. — Так, и где же у нас Головотяпы?

Акулина вытерла лоб тыльной стороной ладони и осмотрелась.

— Где-то здесь должны быть. — Она посмотрела сначала в одну сторону ряда, потом в другую и сказала: — Кто-то один пойдет влево, кто-то — вправо, а третий...

В этот момент по всему дому и по подвалу раздался душераздирающий гудок, как будто где-то рядом кто-то затрубил в рог. Мила прикрыла уши руками, но не удивилась. Она уже

привыкла к таким звукам. Именно это имел в виду Прозор, когда говорил, что почтальон никогда не приходит без звонка. Таким сигналом почтовый ящик сообщал о том, что пришла почта.

— А третий, — повторила, скривив физиономию, Акулина; она аккуратно зажала одно ухо пальцем, — пойдет вынет почту из ящика и спасет меня от разрыва барабанных перепонок, пока я не оглохла.

— Я сбегая! — охотно отозвалась Мила и, не дожидаясь разрешения, помчалась туда, откуда они с Прозором пришли.

— Не заблудись! — взволнованным голосом крикнула ей вслед Акулина.

Мила не просто не заблудилась. Она, даже не пытаясь вспоминать дорогу, каким-то образом уже через десять секунд была возле лестницы, по которой просто взлетела наверх. Подбежав к почтовому ящику, Мила возбужденно открыла крышку. В тот же миг из узкого отверстия вылетел туго закрученный и завязанный в двух местах ленточками сверток, угодил Миле прямо в макушку и, отскочив, упал на пол. Звук рога мгновенно смолк, и в наступившей тишине Мила услышала, как у нее звенит в ушах.

Так и в самом деле можно оглохнуть, подумала Мила, наклоняясь за свертком. Надписи сверху не было, но по манере завязывать сверток не посередине, а по краям Мила поняла, что письмо от Белки. Ее подруга ответила ей даже быстрее, чем Мила ожидала.

Торопливо стянув ленты и развернув сверток, Мила узнала Белкин почерк и прочла:

Как ты могла подумать, что я откажусь тебе помочь? Разумеется, мне не нравится эта затея, хотя бы потому, что я не могу понять, зачем тебе встречаться с твоей бабушкой. Она поступила с тобой просто ужасно. Неужели ты и правда хочешь ее видеть?

Может быть, конечно, у тебя есть какие-то особые причины, о которых ты не пишешь в письме, но разве так уж обязательно все делать самой? Мне кажется, что было бы лучше обратиться за помощью к старшим.

Мне совсем не понравилась фраза: «Кто знает, чем это может закончиться». Мне это совсем-совсем не нравится. Но я, конечно же, приду завтра в парк в девять часов и буду тебя там ждать. А пока что попробую до завтрашнего утра придумать, как тебя отговорить от такой опасной затеи.

Беляна

P. S. Конечно, я никому не скажу.

Мила довольно улыбнулась и, свернув письмо трубочкой, помчалась по лестнице наверх, в свою комнату.

* * *

Весь остаток дня Мила думала о том, как же лучше завтра выйти из дома, чтобы никто ничего не заподозрил. Но еще больше ее волновало кое-что другое.

Белка ошиблась: Миле нужно было попасть в дом бабушки вовсе не для того, чтобы

повидаться с ней. Все эти недели, после приезда из Троллинбурга, Мила много думала о событиях, произошедших за последний год, и поняла, что есть нечто важное, что никак не дает ей покоя. Она хотела знать, кто она. Она хотела узнать о себе больше, чем знает теперь. И если у нее нет никакой возможности разузнать что-нибудь о своих далеких предках-магах, то она имеет полное право знать хотя бы самые элементарные вещи о своих родителях. А ей было известно только одно место, где могут крыться ответы на ее вопросы. Это была комната — комната ее мамы в бабушкином доме; комната, которую бабушка всегда запирала на ключ и никого туда не пускала. Было ясно, что она прятала там что-то, что сама считала важным, и не хотела показывать, прежде всего, своей внучке. Значит, именно там Миле и нужно побывать. Поэтому самым лучшим вариантом было бы, чтобы бабушки и Степаныча вообще не было дома. Но на случай, если они все-таки там будут, ей срочно необходимо было что-то придумать. И она усердно думала, хотя пока ничего путевого в голову не приходило.

Вечером, когда Мила сидела за письменным столом, уткнувшись подбородком в раскрытые ладони, и тщетно напрягала извилины, к ней в комнату зашла Акулина: перепачканная пылью, которой в подвале было предостаточно, но улыбающаяся. В руках у нее был маленький цветочный горшок со странным щедедушным растением.

— Что это? — воскликнула Мила, оторвав руки от лица.

— Это, — торжественно объявила Акулина, — Дремотный малоцвет. Я его случайно в подвале нашла. Наверное, домовые спрятали.

Стебелек был тоненький, золотистый и прозрачный, а вместо цветков на нем росли странные бутоны, как будто сделанные из желтой упаковочной бумаги, только очень тонкой и основательно измятой. Акулина поставила горшок на стол, бутоны шевельнулись, и Мила услышала тихое шуршание.

И правда как бумажные, подумала она. Акулина тем временем подтянула к себе ближайший стул и без сил опустилась на него, вытянув вперед ноги.

— А зачем он нужен? — спросила Мила, с интересом рассматривая странное растение.

— О-о-о! — протянула Акулина. — Это ценный цветочек. И редкий. Волшебнику его достать практически невозможно.

— Как это? — поразилась Мила; она-то думала, что для волшебников — разумеется, взрослых — нет ничего невозможного.

— Видишь ли, Дремотный малоцвет выращивают домовые, — пояснила Акулина, — семена есть только у них. Когда им нужно навести в доме порядок — если все уж очень запущено, — они рассыпают порошок дремоты по всему дому и... Хлоп! Сладких снов! Вся семья обезврежена. Некоторые — только вообрази! — просыпаются и о каких-то магнитных бурях начинают рассуждать.

— А если люди сами следят за уборкой, — спросила Мила, — то получается, что домовые без дела сидят, что ли?